

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ЯКУБА И ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЗАСЛАВСКАЯ: ДВА ВЗГЛЯДА НА СУЩНОСТЬ СОЦИОЛОГИИ*

Поступной Александр

кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь, Украина,
postupnoy.a@gmail.com, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-3533-3369>

Postupniy Oleksandr

PhD, docent, independent researcher, Ukraine,
postupnoy.a@gmail.com, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-3533-3369>

В статье рассматриваются проблемы развития постсоветской, в частности украинской, социологии. Отмечается, что украинская социология переживает кризис. Подчеркивается, что из всего накопленного ею научного багажа общество использует только малую его часть. По мнению автора, это следствие выбора методологических основ развития социологии, осуществленного в 80–90 годы. прошлого столетия. На постсоветском пространстве активно использовались два варианта социологической методологии исследования общества, которые условно можно назвать вариантом профессора Е. А. Якубы и вариантом академика Т. И. Заславской. Первый ориентировал на изучение социума как целостной системы, законов его функционирования и развития. Второй презентовал позицию западной социологии и делал акцент на изучении отдельных элементов, процессов, аспектов жизнедеятельности общества. Акцентируется на том, что для анализа общества как целостного организма этот вариант абсолютно не пригоден, о чем автор статьи писал еще в 1988 году. Ограниченность западной социологии, с точки зрения автора, обусловлена тем, что по идеологическим причинам ей пришлось уйти от целостного рассмотрения общества. В силу объективных причин развитие социологической науки на постсоветском пространстве происходит по варианту Т. И. Заславской. Это привело к тому, что отечественная социология так и не смогла стать наукой об обществе, востребованной самым обществом. Акцентируется внимание на том, что выходом украинской социологии из тупика может стать возвращение к якубинскому варианту пониманию социологии, основанному на идее о целостности общественной системы и призванной ее изучать социологии.

Ключевые слова: Е. А. Якуба, Т. И. Заславская, предмет социологии, общая социологическая теория, общество как система, эксплуатация, легитимация общественного строя, идеология, мир-система, кризис социологии.

У статті розглядаються проблеми розвитку пострадянської, зокрема української, соціології. Наголошується на тому, що сучасна вітчизняна соціологія перебуває у кризі. Підкреслюється, що з накопленого нею наукового доробку суспільство використовує тільки малу його частку. На думку автора, це є наслідком вибору методологічних засад розвитку соціології, що відбувся у 80–90-і роки минулого століття. Тоді на пострадянському просторі активно застосовувались два варіанти соціологічної методології дослідження суспільства, які умовно можна назвати варіантом професора О. О. Якуби та академіка Т. І. Заславської. Перший орієнтувався на вивчення соціуму як цілісної системи, законів його функціонування та розвитку. Другий, що репрезентував позицію західної соціології, акцентував увагу на вивченні окремих елементів, процесів, аспектів життєдіяльності суспільства. Наголошується на тому, що для аналізу суспільства як цілісного організму цей варіант абсолютно непридатний, про що автор статті писав ще в 1988 році. Обмеженість західної соціології, з погляду

автора, зумовлена тим, що з ідеологічних причин вона була вимушена відійти від цілісного вивчення суспільства. Внаслідок об'єктивних причин, розвиток соціологічної науки на пострадянських теренах відбувається за варіантом Т. І. Заславської. Це призвело до того, що вітчизняна соціологія так і не стала наукою про суспільство, затребуваною самим суспільством. Акцентується увага на тому, що вихід української соціології з цього глухого кута полягає у поверненні до якубинського варіанту розуміння соціології, що базується на ідеї про цілісність суспільної системи та покликаної її вивчати соціології.

Ключові слова: О. О. Якуба, Т. І. Заславська, предмет соціології, загальна соціологічна теорія, суспільство як система, експлуатація, легітимність суспільного ладу, ідеологія, світ-система, криза соціології.

The article is devoted to the problems of the post-Soviet, in particular Ukrainian, sociology development. It is emphasized that modern domestic sociology is in crisis. It is stressed that society uses only its small part of the scientific achievements accumulated. According to the author, this is a consequence of the choice of methodological foundations of sociology development, which took place in the 80-90-ies of the last century. Then, in the post-Soviet space, two variants of the sociological methodology of the study of society were actively used, which can be conventionally called the variants of Professor Yakuba and academician T. I. Zaslavska. The first focused on the study of society as an integral system, the rules of its functioning and development. The second, representing the position of Western sociology, emphasized the study of individual elements, processes, aspects of society's life. It is emphasized that for the analysis of society as a holistic organism, this variant is completely unsuitable, as the author wrote in 1988. The limitations of Western sociology, from the author's point of view, were caused by the ideological reasons which forced it to move away from holistic study of society. Due to objective reasons, the development of sociological science in the post-Soviet territories was based on the variant of T. I. Zaslavska. This led to the fact that domestic sociology did not become a science about society, demanded by society itself. The emphasis is placed on the fact that the coming out of Ukrainian sociology from this impasse consists in returning to the Yakuba version of an understanding of sociology, based on the idea of the integrity of the social system and sociology as the science to study it.

Keywords: E. A. Yakuba, T. I. Zaslavska, subject of sociology, common sociological theory, society as a system, exploitation, legitimization of societal order, ideology, world as a system, crisis of sociology.

Многие, знаящие Е. А. Якубу и Т. И. Заславскую, считали их коллегами, искренне уважавшими друг друга, хотя они по-разному понимали сущность социологии. И эвристический потенциал их подходов был неодинаков.

Заслуга Елены Александровны Якубы в развитии социологии и социологического образования в Украине бесспорна. И если почетные имена будут присваивать не только вузам, но и факультетам, то социологический факультет Харьковского национального университета, уверен, будет назван ее именем. По крайней мере, сегодня такое предложение было бы единодушно поддержано преподавателями и студентами факультета. И в этом нет ничего удивительного. Парадоксально другое: в подавляющем большинстве харьковские социологи не разделяют точку зрения Е. А. Якубы на сущность и предназначение социологии. Они сторонники позиции Татьяны Ивановны Заславской. Как,

впрочем, и абсолютное большинство социологов на постсоветском пространстве. А понимание сущности социологии Е. А. Якубой и Т. И. Заславской столь различно, что даже при декларируемой мультипарадигмальности социологии для концепции Е. А. Якубы места в ней не нашлось. Ее концепция осталась как эпизод в истории украинской социологии.

Свое видение социологии Е. А. Якуба изложила в одном из первых в Украине авторском учебном пособии «Социология», изданном в 1995 году, и это позволяет ограничиться выделением всего лишь нескольких ключевых положений ее концепции. В понимании Е. А. Якубы, «предметом социологии является общество как целостный организм, социальные механизмы его функционирования и развития» [2, с. 11]. В этом, казалось бы, нет ничего необычного: так воспринималась социология, начиная с Огюста Конта и Герберта Спенсера. Если бы не одно «но»:

в конце XX века западная социология от этого подхода практически отказалась. По идеологическим причинам. Понимаю, что данное утверждение вызовет неприятие и протест у многих социологов. И поскольку уже неоднократно приводил свои аргументы, в том числе и в упомянутой статье [1], сейчас ограничиваюсь констатацией.

В указанной статье обосновывается утверждение о том, что все общественные науки неотделимы от идеологии. Если они признаны в данном обществе и «содержатся» им, то наряду с собственно научной функцией они выполняют и функцию легитимации существующего строя. Они призваны убеждать, что существующий общественный строй если и не идеал справедливости, то хотя бы наилучший вариант из возможных. Поэтому в каждой из общественных наук, в отличие от естественных, неизбежно присутствует два компонента: научный, призванный искать истину, и идеологический, связанный с ценностями и призванный, с одной стороны, формировать у населения веру в справедливость «своего» общественного строя, а с другой – бороться с альтернативными теориями и взглядами, которые в том или ином виде присутствуют в обществе и выступают не только против положений официальных теорий, но и против существующего строя, подрывают его легитимность.

Борьба идеологий ведется не только внутри страны, но и между странами с разной господствующей идеологией. В таком случае идеологическая борьба ведется, прежде всего, в виде противоборства наук, изучающих одну и ту же сферу общества. Так, в противоборстве либерального и марксистского проектов, социологии противостояли исторический материализм и научный коммунизм, экономикс противостояла политическая экономия, культурологии – марксистско-ленинская этика и т.д. При этом предметом спора были не столько факты, сколько их интерпретации. Темы, которые были в учебниках социологии, присутствовали и в учебниках по научному коммунизму. А вот выводы были взаимоисключающими: если в одном случае «светлое будущее всего человечества» – это коммунизм, то в другом – либеральная демократия и рыночная экономика. И так в каждой группе противостоящих друг другу общественных дисциплин.

Социология как неотъемлемая часть либерального проекта изначально защищает капиталистический строй. Главной идеологической проблемой для социологии, как и для всего либерального обществоведения в борьбе с утопическим социализмом, а затем марксизмом была проблема эксплуатации,

стремление завуалировать и скрыть ее, представить капитализм лучшим из возможных вариантов общественного устройства.

Каждая из наук решала эту задачу по-своему. Скажем, экономикс, противостоящий политэкономии, убрал все упоминания о «теории прибавочной стоимости», раскрывающей механизм эксплуатации. А с 30-х годов прошлого столетия, когда стало ясно, что Советский Союз устоял и стал «объективной реальностью», западные экономисты начали усиленно искать замену понятию «капитализм» на «безобидный» термин. Опробовали несколько. «В итоге, – как писал в своей последней книге Дж. Гэлбрейт, – в научном мире прижилось выражение «рыночная система», так как оно не имело негативной истории – впрочем, у него вообще не было истории. Вряд ли можно было отыскать термин, более лишенный всякого смысла...» [3]. Но свою идеологическую миссию новый термин выполнил и продолжает выполнять до сих пор: с его помощью капитализм с неотделимой от него эксплуатацией выведен из поля зрения и как бы ушел в небытие. А вместе с ним и капиталисты, нацеленные на извлечение прибыли любой ценой, «уступившие» свое место энергичным предпринимателям и бизнесменам, якобы думающим прежде всего об интересах общества и потребителя.

Социологи пошли иным путем. Так и не сумев за все годы своего существования создать либеральную теорию капиталистического общества, которая, с одной стороны, раскрывала бы законы его функционирования и развития, а с другой – опровергла бы теорию прибавочной стоимости и наличие в основе данного строя эксплуатации, социологи сделали неутешительный для себя вывод. Если теория, то с признанием эксплуатации, а если без эксплуатации, то не теория. Многократные попытки социологов все же создать свой вариант теории общества неизбежно приводили к созданию очередной модели, о которой не скажешь лучше Остапа Бендера: «Прибор как настоящий, только не работает».

В развитых странах от социологов уже никто не ждет ответа о сущности общества, а тем более разработки стратегии его развития – это удел политиков, политологов, экономистов, экспертов. Функция социологов – обеспечение легитимации этого общества или предлагаемых радикальных преобразований. Посути это реклама, построенная, с одной стороны, на подчеркивании, выпячивании реальных преимуществ рекламируемого объекта и даже «дорисовывании» несуществующих, а с другой стороны – преуменьшении, замалчивании, а то и просто отри-

цании реально существующих недостатков. Как для профессиональных рекламистов доскональное знание рекламного продукта не обязательно, главное – зафиксировать идентифицирующие его параметры и «обыграть» их, так и социологам для выполнения своей миссии знание сущности общества необязательно.

Поэтому социологи, как и представители остальных либеральных наук, не только устранились от анализа сущности капитализма, но и исключили из своего лексикона само понятие «капитализм». Сегодня социологи могут изучать «всё и вся», кроме общества как системы, как целостного организма. Запрет не официальный, но соблюдаемый абсолютным большинством социологов. Исключения крайне редки. Из известных социологов только единицы, как Иммануил Валлерстайн, и сегодня говорят о современном обществе (как об отдельной стране, так и о мир-системе в целом) как о капитализме, основанном на эксплуатации. Для большинства же эта тема закрыта. Вначале это делалось простым уходом от рассмотрения этих вопросов, «по факту». Затем стали оправдываться ссылками на молодость самой социологии, «не доросшей» до решения таких задач, а затем и утверждением, что в силу особой сложности общества создать его системную теорию вообще невозможно. А к концу прошлого века на помощь западной социологии пришел постмодернизм, который в той или иной мере провозгласил упразднение науки, по крайней мере общественной. И теперь никаких проблем с общей социологической теорией, которая раскрывала бы сущность общества, законы его функционирования и развития.

Елена Александровна эту проблему не комментировала, но состояние самой социологии в начале 1990-х годов описывала с грустью: «Для социологии становятся характерными разорванность элементов, фрагментация, подвергается сомнению целостность социологического знания, оно рассматривается как набор множества специальных теорий и конкретных исследований» [2, с. 8]. Но сама она была оптимистом и вслед за Энтони Гидденсом верила, «...что социология придет к теоретическому синтезу и откажется от забвения общей теории. При этом будет переосмыслен главный объект социологического анализа – целостность общества» [2, с. 9]. Именно так она понимала социологию и такой хотела ее видеть и развивать. Системность общества и призванной его изучать социологии для Е. А. Якубы – основа ее подхода.

Ядром социологического знания Е. А. Якуба считала общую социологическую

теорию и неоднократно подчеркивала, «...что без общей социологической теории нет и не может быть целостной системы научного социологического знания» [2, с. 4]. При этом, выражая мнение своих единомышленников и опережая время, считала, что «социология как бы возвращается к своим истокам, к обобщениям общего социологического характера, к целостной системе знания. Все чаще звучит призыв «обратиться к общей теории». Социологи справедливо отмечают, что без общей теории нет и не может быть развитой целостной системы научного знания, ибо общая теория выполняет функции исходного и обобщающего знания...» [2, с. 8–9].

Ключом к пониманию целостности общества у Е. А. Якубы выступает анализ его социальной структуры, поскольку «социальная структура рассматривается не только как совокупность социальных общностей, но и как институциональные (организационные) и нормативные формы социального взаимодействия» [2, с. 4]. Именно с главы «Социальная структура и социальные процессы общества» она начинает описание общества в своем учебном пособии. Такое значение социальной структуры для анализа сущности общества вытекает из самой сути системного подхода: раскрытие сущности и механизма функционирования сложных систем всегда опирается на анализ трех базисных компонентов: элементов, структуры (способа соединения этих элементов в целостную систему) и их функций.

В понимании содержания социальной структуры Якуба Е. А. отходит от советского подхода, фактически сводившего социальную структуру к одной из подсистем – социально-классовой, и дополняет ее национально-этнической, социально-демографической, социально-профессиональной, поселенческой и другими. Казалось бы, типичный современный подход. Но есть одна особенность – признание базисной, системообразующей роли социально-классовой подструктуры общества. Конечно, официальная трактовка социальной структуры социалистического общества как союза рабочего класса, колхозного крестьянства и дружественной им интеллигенции имела мало общего как с реальностью, так и с марксизмом, но это тема отдельной статьи. Но сути это не меняет – ядром социальной структуры общества, основанного на частной собственности, выступает отношение основных классов данного способа производства. В сегодняшних же учебниках социологии классовая структура или вообще не рассматривается, или ее изложение сводится к перечислению полудюжины трактовок понятия «класс», после которого

у студентов остается ощущение надуманности самого этого понятия. Можно спорить и о понимании Е. А. Якубой социально-классовой структуры постсоветского общества, но не о роли этой структуры. Из всего перечня элементов социальной структуры общества в пособии подробно, в отдельном параграфе рассматриваются социально-классовые образования и поляризация общества в Украине и других странах СНГ [2, с. 33–38]. Не случайно и результаты анализа первых шагов трансформации украинского общества, выполненного под ее руководством группой харьковских социологов, были изложены в 1997 году в коллективной монографии «Изменение социально-классовой структуры общества в условиях его трансформации». Важны даже не результаты исследования, а выбор направления поиска. Именно в классовой структуре Елена Александровна искала ключ к пониманию сущности украинского общества как социальной системы. Это была ее позиция, в основе которой лежала убежденность, «что социология является наукой об обществе как реальном целостном социальном организме, механизмах его развития» [2, с. 4].

Иная позиция была у Т. И. Заславской. В качестве не только крупного ученого, но и одного из лидеров общественного мнения Татьяна Ивановна Заславская заявила о себе в 1983 году докладом «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии» на конференции в Новосибирске. Доклад вызвал большой интерес не только участников конференции, но и у КГБ, который изъял все, точнее, почти все отпечатанные экземпляры доклада и подготовительные материалы к нему. Ибо в основе доклада, по ее словам, лежала мысль о том, что «наша экономика фундаментально села на мель» [4] и нуждалась в кардинальных изменениях. А спустя несколько месяцев доклад был перепечатан на Западе под названием «Новосибирский манифест» и передавался западными радиостанциями на Советский Союз. Так имя Т. И. Заславской оказалось «на слуху» не только ее коллег, но и широких кругов общества. А пропагандистской стороне своей деятельности она придавала чрезвычайно большое значение, считая, что задача социологов не только в развитии самой науки, но и в формировании развитого социального самосознания у всех членов общества.

С началом «перестройки» Т. И. Заславская часто публиковалась, выступала в СМИ, а ее критичность в оценке действительности, напористость и убежденность в изложении своей позиции не могли не вызывать уваже-

ния. К ней прислушивались, на ее мнение ссылались, на нее равнялись многие обществоведы и особенно почувствовавшие ветер перемен социологи. Для них же это был переломный момент: в это время не только расширялось само социологическое сообщество и поле его научных поисков, но и выработывались концептуальные основы отечественной социологии. И слово Т. И. Заславской в этом процессе было весомым.

В 1986 году в журнале «Коммунист» была опубликована ее статья «Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость» [5]. Статья трактовалась партийными органами как важнейшая партийная директива, поскольку «человеческий фактор» был объявлен ключевым условием «совершенствования социализма»¹.

Статья была специфическая. И если выпячивание официозного понятия «человеческий фактор» Т. И. Заславской, возможно, было навязано, о чем говорит первый вариант этой статьи, опубликованной в Новосибирске («Творческая активность масс: социальные резервы роста»), то ее видение механизма повышения этой активности вызывало недоумение. Сама задача рассматривалась Татьяной Ивановной применительно ко всему обществу, без какой-либо привязки к конкретным социальным слоям и группам, различавшимся местом и ролью в обществе, своими интересами и устремлениями, отношением к той же перестройке. Да и «механизм торможения», объявленный руководством страны главной угрозой обществу, который и предстояло преодолеть за счет этой активности масс, вообще представлялся работающим «по безлюдной технологии»: в статье отсутствовал анализ сил, которые приводили этот механизм в действие. В более поздних своих работах Т. И. Заславская много говорит о многообразии интересов различных слоев и групп, об их разнообразии, различии и противоречии. Но в данной статье этого не было. Такое рассмотрение общества и механизмов его развития совершенно не совпадало с тем, чему в свое время учили меня: «Социальная структура общества и власти характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности. От уяснения

1 Несколько обществоведов Харьковского университета едва не лишились работы из-за того, что не успели прочесть эту статью до заседания бюро райкома КПСС, на котором рассматривался вопрос об участии обществоведов в идеологическом обеспечении перестройки. От увольнения их спасло лишь то, что выяснилось: к моменту заседания бюро райкома подписчики, а журнал выписывали все члены партии, этот номер журнала еще не получили.

этих изменений зависит вопрос о перспективах, понимая под этим... основные тенденции экономического и политического развития, – те тенденции, равнодействующая которых определяет ближайшее будущее страны, те тенденции, которые определяют задачи, направления и характер деятельности всякого сознательного общественного деятеля» [6, с. 186]. Статья же не только не содержала реальных предложений как рассказанную ею «сказку сделать былью», но не давала даже отправных точек для их разработки. О чем я и написал ей в своем отзыве, направленном в редакцию журнала. Полагаю, об этом ей сказали и другие.

Вскоре Т. И. Заславская стала утверждать, что социальную структуру советского общества «составляет множество групп, занимающих разное положение, имеющих разные (иногда – противоположные) интересы и цели, за которые они борются» [7]. Но важнее было другое: она выступила с критикой официальной трактовки социальной структуры советского общества, заявив о том, что: «... реальная структура нашего общества не соответствует этой заведомо упрощенной формуле – «два класса и один слой» [7]. До этого постулат о нерушимом союзе рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции трактовался как суть и символ веры советского строя. Поэтому его прямая публичная критика была воспринята многими так же, как слова ребенка в известной сказке Г.Х. Андерсона «Новое платье короля». Такая реакция во многом была обусловлена тем, что позицию Т. И. Заславской приняли на обеих сторонах «баррикад». С одной стороны, ее поддержала часть сторонников совершенствования социализма, считавших официальную доктрину социальной структуры не соответствующей марксизму. С другой стороны, активно поддерживали и те, кто увидел в этом утверждении идейное обоснование необходимости смены социального строя. И они оказались правы: чуть позже и сама Т. И. Заславская, официально причисляя себя к сторонникам социализма, сущность перестройки, как и М. С. Горбачев, трактовала как социальную революцию и разъясняла: «Революция – это радикальный способ изменения социально-экономической формации» [8].

Тогда же позиция Т. И. Заславской вызвала двойственное к себе отношение. Я разделял ее отношение к официальной трактовке социальной структуры советского общества и сам пытался писать об этом, но безуспешно: мое предложение статьи с обоснованием ошибочности такого подхода редакция журнала «Научный коммунизм» отклонила, сослав-

шись на то, что не может «...подчинять реальную жизнь законам формальной логики».

В то же время я не мог принять предлагаемый Татьяной Ивановной фактический отказ от системного анализа социальной структуры общества, а, следовательно, и самого общества. Она же призывала к изучению всех существующих в обществе социальных групп и слоев, которых «многие десятки, если не сотни» [7]. При этом даже не ставила вопрос о необходимости поиска алгоритма их взаимодействия, без чего, опираясь только на знание этих десятков, а тем более нескольких сотен социальных групп и слоев, мы никогда не сможем раскрыть ни сущность самого общества, ни законы его функционирования и развития. Ибо сущность любого системного явления задается не только, а порой и не столько набором элементов (в данном случае – слоев и групп), сколько структурой, то есть характером и способом их соединения в целостную систему. Тем более, что и знание об этих отдельных элементах неизбежно будет неполным, ущербным, поверхностным, поскольку их собственная сущность во многом детерминирована местом и функциями в системе.

Раскрытие сущности социальной структуры предполагает выявление логического ядра системы, ее основного системообразующего отношения, которое с наибольшей полнотой воплощает интегративное качество всей системы. К примеру, анализируя antagonистические общества, классики марксизма из всех социальных общностей особо выделяли классы, а порой и просто ограничивались ними. И не потому, что не видели или не понимали всей сложности и реального многообразия элементов социальной структуры (против такого допущения высказывалась и сама Т. И. Заславская), а в силу того, что указание на отношения всего лишь двух классов: рабов и рабовладельцев, феодалов и крепостных, буржуа и наемных рабочих достаточно не только для того, чтобы назвать формацию, которую они представляют, но и раскрыть ее сущность через характеристику их отношений. Ибо сущность общества в «свернутом виде» уже заложена в этом отношении, более того – она и есть этим отношением.

Понятно, что социальная структура советского общества отличалась от структур antagonистических формаций. И узловым становился вопрос: что является его ключевым социальным отношением, детерминирующим сущность общества как целостной системы? Подавляющее большинство обществоведов, новоявленных социологов в том числе, даже не задумывалось о наличии та-

кой проблемы. Хотя были и те, кто эту проблему все же видел. В первом номере журнала «Філософська думка» за 1988 год была опубликована статья В.П. Черноволенко «Про подолання спрощених уявлень про соціальну структуру радянського суспільства» [9]. Его позиция настолько перекликалась, а по сути сливалась с позицией Т. И. Заславской, что в своем отзыве на статью² я писал их имена через запятую. Важнейшим параметром социальной структуры В. П. Черноволенко считал ее «багатоманітність». А вот проблему определения ее сущности и логической модели он считал «надміру академічною», далекой от реальных запросов социальной практики. И призывал, как и Т.И. Заславская, «зосередити увагу на дослідженні реальної поведінки всіх верств і груп...» [9, с. 10]. Известное утверждение о том, что нет ничего практичнее хорошей теории он, к сожалению, проигнорировал.

В своем отзыве я отмечал, что результат такого подхода мог быть только одним – накоплением такими социологами массы отрывочных знаний, не связанных между собой и не имеющих для общества практической значимости. Стоящие на такой позиции социологи не способны анализировать общество как сложную социальную систему. Прошедшие три десятка лет это подтвердили. Современная социология способна фонтанировать все новыми и новыми подходами, парадигмами, дискурсами, категориями, практиками и т.п., остающимися, в значительной мере, всего лишь информационным шумом, поскольку за редкими исключениями обществом не востребованы.

О причинах, по которым Татьяна Ивановна Заславская фактически игнорировала общую теорию, дает представление обширное интервью, «Нам очень хотелось создать настоящую науку», данное ею в связи с юбилеем и опубликованное в журнале «Социологический журнал» [11, с. 201–223]. Она подробно раскрывает процесс своего становления как ученого. На первом, еще «экономическом» этапе своей научной деятельности, она была связана с изучением организации труда в колхозах. И поскольку при этом она опиралась на социологические методы сбора и обработки информации, то последующий ее переход к более широкому – на стыке экономики и социологии изучению общества был вполне логичным: «...к этому вплотную подвела сама логика развития исследований.

2 Отзыв был опубликован в журнале и озаглавлен редакцией «Концепція соціальної структури радянського суспільства: системність чи багатоманітність?» [10].

Прошло естественное смыкание двух ветвей, двух потоков» [11, с. 208]. А в результате они вместе с Р. В. Рывкиной стали основателями экономической социологии как одной из частных социологических теорий. Хотя сама Т. И. Заславская «частной» ее не называла: это по умолчанию предполагало бы наличие «общей», социологической теории, теории более высокого порядка. А для Т. И. Заславской социология – это набор множества специальных теорий (школ) и конкретных исследований. И дело было не в том, что проблемы общей теории не входили в круг ее научных интересов. Причина была глубже. «Социология, – отмечала она, – это наука об обществе, а общество – невероятно сложная вещь. Представить себе человека, решающего за письменным столом даже основные теоретические проблемы его устройства и функционирования, невозможно» [11, с. 2.16]. Утверждение удивительное! То, что «основные теоретические проблемы ...устройства и функционирования» и Вселенной, и микромира формулируются, в конечном счете, именно человеком «за письменным столом», а всевозможные приборы и оборудование дают ему лишь исходную и неполную информацию, причем на уровне явления, а не сущности, понимает любой образованный человек. А вот в отношении общества, по мнению Т. И. Заславской, это невозможно. И никаких аргументов. Есть только ее мнение. Точнее, позиция западной социологии, которую она полностью разделяла. И этому было несколько причин.

Во-первых, она сама подчеркивала: «...философия на протяжении всей жизни мне была далека – у меня более конкретный уровень мышления» [11, с. 202]. А общая теория как раз непосредственно связана с проблемами онтологического характера, она философская по своей сути. И то, что для доктора философских наук Е. А. Якубы было естественным, доктору экономических наук Т. И. Заславской оказалось чуждо. Это отмечали и искренне уважавшие ее коллеги: «По характеру своего восприятия окружающего мира, ... Заславская была прежде всего эмпириком, идущим от эмпирических фактов по пути создания обобщающих социологических моделей структурно-функционалистического типа» [12, с. 220]. И в этом была слабость используемой ею методологии: простое суммирование фактов в цельную модель не превращается. Для этого нужно знание природы их соединения в целое, нужна общая теория, которая, как указывала Е. А. Якуба, «выполняет функции исходного и обобщающего знания». И если ее нет «на входе», то не

появится она и «на выходе». Что и проявилось в разработке ею модели трансформации России.

Во-вторых, представление о сущности социологии и ее предмете у нее формировалось на базе западной социологии, которая к тому времени от попыток создания системной теории общества уже отказывалась. Именно такой ее Т. И. Заславская и усвоила, поскольку воспринимала западную социологию как эталон науки об обществе. Можно было бы поставить вопрос: почему она не заметила ущербность такой социологии, которая называет себя наукой об обществе и при этом отказывается от изучения общества как целостного организма? Вопрос не риторический, потому что критичность восприятия реальности и описывающих ее общественных теорий у нее была развита чрезвычайно. По крайней мере, применительно к советскому обществу, в котором все общественные науки, по ее убеждению, описывали не реальность, а мифы. «Общественная наука в СССР, – отметила она, – была изуродована» [11, с.223]. Но тогда такой же оценки заслуживает и западная социология, которая не только сознательно отказалась от целостного изучения общества, чтобы тем самым вывести из-под критики «свое» общество, но и делала все возможное, чтобы его не изучали другие. Абсолютно идеологический проект, обеспечивающий легитимацию капиталистического общества.

Идеология была третьей и, на мой взгляд, главной причиной принятия ею такого варианта «настоящей науки». Кстати, у Т. И. Заславской было два подхода к пониманию сути идеологии. Первый (применительно к советскому обществу) означал навязывание властью мифологизированной трактовки социальной действительности. На Западе, по ее мнению, такого нет, и там понятие «идеология» применяется для обозначения неверных и ошибочных теорий, которые могут проявляться на уровне личных заблуждений самого исследователя. Такое некритическое восприятие западных общественных наук было обусловлено тем, что уже в студенческие годы она была сторонником либеральных ценностей. Это были взгляды ее семьи. Как она сама отмечала, уже на четвертом курсе в университете «определили, что я «попала в плен буржуазной идеологии» [11, с. 204]. А на уровне личности идеология чаще всего принимается не столько в виде знаний, сколько в виде веры в определенные ценности, с идеализацией объекта своей веры, наделением его статусом абсолютной истины и активным неприятием любой его критики (та же матрица, что и у религии).

В оценке роли Татьяны Ивановны Заславской в развитии социологии в СССР, а затем и на постсоветском пространстве я согласен с мнением редакции журнала «Социологический журнал», высказанном в анонсе, предваряющем текст интервью. С ее именем, действительно, «...много связано в становлении и развитии отечественной социологии, реформировании политического режима в России» [11, с. 201]. И хотя свой вклад в социологию Татьяна Ивановна оценивает как скромный, уступающий ее же достижениям в сфере экономической науки, в действительности он был огромным. И если к своим достижениям она относит создание экономической социологии (совместно с Р. В. Рывкиной), собственной научной школы и ВЦИОМ, то, на мой взгляд, ее главный вклад заключается в том, что возрождавшаяся в СССР социология (а это был объективный процесс, начавшийся еще в 1960-е годы) была принята в западной редакции, сознательно исключавшей системное рассмотрение общества, законов его функционирования и развития. Президентом Советской социологической ассоциации она была избрана, по ее же словам, «...не за великие профессиональные заслуги, а потому, что тогда очень надо было пробить постановление ЦК КПСС, возвращающее социологии статус «нормальной науки» (она ведь определялась в политическом словаре как «буржуазная лженаука» [11 с. 218]. И для этого ее статус и авторитет единственного академика АН СССР среди социологов был очень важен. С этой задачей она справилась. К сожалению. Ведь если в отношении эмпирических социологических исследований и частных теорий западная социология, действительно, была «на порядок богаче» отечественной и у нее нужно было учиться и учиться, то в отношении общей социологической теории она однозначно оставалась «буржуазной лженаукой». Поэтому важнейший вклад Татьяны Ивановны Заславской в развитие социологии в СССР, а затем в России и на постсоветском пространстве, не столько научный, сколько идеологический.

При этом сама Т. И. Заславская не только не считала социологию идеологической наукой, но и гордилась тем, что социология, по ее мнению, освободилась от этого порока советской общественной науки. В конце 1990-х годов она утверждала: «Многие ученые оценивают современную ситуацию в российской общественной науке, включая социологию, как катастрофическую, но я с этим взглядом не согласна, поскольку на другой чаше весов лежат такие важнейшие факторы, как освобождение общественной мысли

от каких-либо идеологических шор и громадное расширение информационных ресурсов, обогащение информационной среды» [13, с. 3]. «Освобождение общественной мысли от каких-либо идеологических шор» как важнейшее достижение постсоветской социологии и всего обществоведения – это нечто.

В принятии и распространении западного варианта социологии участвовало множество людей, но роль «первой скрипки» принадлежала ей – академику, первому Президенту Советской социологической ассоциации, руководителю ВЦИОМ, одному из ведущих лидеров общественного мнения второй половины 1980-х годов. Поэтому в столь быстром, а главное – не критическом восприятии и тотальном распространении такого понимания социологии в Советском Союзе, а позже и на всем постсоветском пространстве вклад Т. И. Заславской бесспорен. Конечно, все это произошло бы и без ее участия. Это был объективный процесс, одна из граней холодной войны, в которой навязывание либерального мировоззрения было изначально одним из инструментов, а затем и частью бесспорной победы Запада, ее закреплением. Столь стремительный крах СССР и произошел в результате утраты им своей легитимности. Большая часть общества поверила в сказку о либеральной демократии как светлом будущем всего человечества, а следовательно, и своего собственного. Сказку, не выдерживающую элементарной научной критики. Но научной критики-то и не было: социология (как и остальные «обновленные» общественные науки) вместо подобной критики сами выступали в качестве коллективного сказочника.

Следует только отметить, что в роли сказочника вклад социологов не был значительным, для этого социология была еще слаба. Эту роль, в первую очередь, выполняли средства массовой информации: газеты и журналы, особенно популярные в это время «Московские новости» и «Огонек», литературные (или как их называли – «толстые») журналы, которые красочно и доходчиво объясняли: «Где пироги пышнее?». Но тон задавали все же центральные газеты: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», телепрограмма «Взгляд» тогда еще государственного телевидения, курируемые идеологическим отделом ЦК КПСС во главе с секретарем ЦК по идеологии (тогда считалось – коммунистической) А. Н. Яковлевым.

Если крах СССР сегодня воспринимается с разных, в том числе взаимоисключающих позиций, то в оценке современного состояния России и Украины большинство их

жителей единодушны: состояние этих стран плачевное: за четверть века индустриально развитые страны вплотную приблизились к положению стран третьего мира и останавливаться на достигнутом не собираются. Что же касается статуса высокоразвитого либерального общества, которое было обещано и во что искренне поверило большинство населения Союза в конце 1980-х, то его нужно было не ждать, как манны небесной (хотя обещания были именно такие), а упорно за него бороться. Ибо либеральное процветание – это удел немногих. И дело не только в недостатке планетарных ресурсов, о чем говорилось уже в первых докладах Римскому клубу. Существеннее другое: большинство населения не только нашей страны, но и всей планеты не осознает того, что благополучие западных стран обеспечивается не только их собственным упорным и эффективным трудом, но и эксплуатацией населения большинства других стран, России и Украины в том числе. И тотальный отказ абсолютного большинства постсоветских обществоведов рассматривать сам факт эксплуатации как внутри страны, так и в системе межгосударственного взаимодействия, *поражает*.

Мир циничен и жесток. Лозунг о светлом либеральном процветании для ВСЕХ – это сказка для недоразвитых. Процветает лишь небольшая часть стран, только те, кто знает не только то, чего хочет, но и как этого достичь, а именно: заставить работать на себя других. Капитализм и эксплуатация неразделимы. Суть лишь в том, кто кого эксплуатирует: или вы, или вас. Когда я спросил профессора университета Миннеаполиса Дж. Нелсона (Joel I. Nelson), автора монографии о постиндустриальном капитализме [14], что надо сделать, чтобы Украина стала постиндустриальной, процветающей страной, он ответил предельно кратко и четко, а главное, по существу: «Найти свой Китай». Для понимания сути проблемы этот краткий ответ - всего пятнадцать букв в русском переводе – дает несравненно больше, чем тысячи якобы научных публикаций на эту тему. Украине для того, чтобы стать процветающей страной, необходимо из донора прибавочной стоимости стать ее получателем.

Западная социология, как и остальные общественные науки, не только сама не раскрывает эти процессы, но и делает все возможное, чтобы этого не сделали другие. Миф о рыночной экономике и либеральной демократии как «благое для всех» – это идеологическое оружие наиболее развитых стран, призванное сохранять их власть над сознанием и поведением, ресурсами и результата-

ми труда остальной части человечества. Не знаю, можно ли всех западных обществоведов, распространяющих этот миф, считать патриотами, но, разрабатывая социологию в данном ключе, они обеспечивают благополучие своих стран. А вот кем считать отечественных обществоведов, большинство из которых помогают им в этом?

Поэтому утверждения Т. И. Заславской о том, что подобная социология станет основой для выработки «эффективной стратегии» преобразования России в высокоразвитую либерально-демократическую страну, были несостоятельны. К середине 1990-х годов, убедившись в явном несоответствии реальности тем обещаниям, которые давались и от имени социологии, Заславская Т. И. предприняла попытку перейти к комплексному изучению общества и происходящих в нем процессов с учетом их целостности и системности. Как она сама отметила, «...я с 1995 г. занимаюсь более широкой темой – исследованием социального механизма трансформационного процесса в России» [15, с. 6]. Но реализовать системный подход ей так и не удалось. Это показали ее собственные попытки разработать методологические основы стратегии развития России. В начале 2000 года в статье «О социально-трансформационной структуре российского общества» она, подробно перечислив удручающие результаты 1990-х, констатирует: «Результаты трансформационных процессов, возникших под влиянием реформ, скорее, противоположны тем целям, ради которых они начинались. ...Правящий слой, в основном сохранивший свои позиции, использовал период демократической эйфории для реализации собственных интересов. Под прикрытием либеральных идей частично обновленная элита успешно овладела политической властью, государственной собственностью и финансовыми ресурсами страны, а остальная часть общества стала жертвой обмана или самообмана. Определенную ответственность за это несет общественная наука, которая не смогла своевременно дать правильную оценку социальной направленности происходящих перемен и вероятных результатов преобразований, исходя из направленности интересов и соотношения сил главных участников процесса. Восполнению этого недостатка, на наш взгляд, может способствовать разработка концепции социального механизма трансформации постсоциалистических обществ» [16, с. 15]. Привожу столь обширный фрагмент лишь потому, что он очень показателен: в нем содержится два неверных, на мой взгляд, утверждения, и нереальное обещание по поводу возможностей предлагаемой ею концепции.

Ключевым звеном разработанной Т. И. Заславской концепции выступает «трансформационная структура общества», под которой она понимает «...систему социальных макросубъектов, взаимодействие и борьба которых служат движущей силой качественной трансформации постсоциалистических обществ» [16, с. 16]. Она насчитывает тринадцать таких «макросубъектов». При этом подчеркивает, что трансформационная структура отражает системное качество общества. «Это качество определяется соотношением и сравнительной активностью тех общественных сил, которые борются, с одной стороны, за либерально-демократические преобразования, а с другой – за возрождение и консервацию устаревших институтов» [16 с. 16]. С этим трудно согласиться. Во-первых, ее установка на то, что «...для адекватного решения задачи нужно изучать не столько социально-экономический, сколько *инновационно-деятельностный* аспект структуры общества» [17, с. 8], предполагает поиск сущности общества как целостной системы в сфере общественного сознания и политических ориентаций, которые вторичны и производны от многих обстоятельств, в том числе случайных. Конечно, такой анализ также уместен (особенно с позиции ВЦИОМ, которым руководила Т. И. Заславская), но это описание общества на уровне явления, а не сущности, и тем более не как системы. Во-вторых, не выдерживает критики сам выбор критерия для раскрытия «системного качества общества» – отношение к либерально-демократическим преобразованиям. В России, как и в Украине, не было мощных социальных «макросубъектов», целью которых была бы либеральная демократия как таковая. Не было и нет. В тех же странах, где либеральная демократия существует, она существует как «результатирующая», как вынужденный компромисс разных социальных сил с несовпадающими коренными интересами. Интересами объективными, обусловленными их местом в системе общественного производства: отношением к собственности, ролью в общественной организации труда, размерами и формами получения доходов.

И если исходить из учета этих интересов, то «трансформационная структура общества» выглядела бы иначе. А, главное, было бы видно, что утверждение Т. И. Заславской о том, что удручающие результаты реформ российского общества «скорее противоположны тем целям, ради которых они начинались», неверно. Эти результаты и были истинной целью реформ или побочными следствиями ее достижения. Целью того реального

субъекта, который сумел навязать обществу и провести реформы в своих и только своих интересах. И либеральной демократии среди его целей не было, нет и быть не может. И, что удивительно, четко назвав его в начале статьи – «правлящий слой», в самой «трансформационной структуре» Т. И. Заславская места ему не находит. Его там нет, он «распорочен» в нескольких «макросубъектах». Более того, значительная его часть оказалась среди самых активных сторонников либерально-демократических преобразований!

Трудно согласиться и с ее определением ответственности общественной науки, чья действительная вина не в том, что она якобы «не смогла ...», а в том, что она именно «смогла»: навязать обществу миф о том, что «либеральная демократия и рыночная экономика – светлое будущее всего человечества!». Именно это позволило подчинить сознание, волю и поведение большинства членов общества интересам крупного капитала. Или, как отмечала и сама Т.И. Заславская, сделать их «...жертвой обмана или самообмана». Активное участие в этом обмане принимала и социология.

Явным упрощением в ее концепции было и то, что она включала в число главных акторов трансформации России только социальные общности самого российского общества. Но это искажает суть многих макропроцессов. Развал Союза, согласно ее концепции, нужно было бы объяснять исключительно действиями внутренних сил. Но это очень обидело бы Запад и прежде всего США, которые обоснованно считают этот развал своей победой, претендуя тем самым на роль даже не «макросубъекта», а «мегасубъекта». Да и направленность российских реформ, их суть и цели во многом определялись не в России, а в США, которые через своих советников и экспертов, контролировали всю систему государственного управления России. Многие западные ученые, включая лауреата нобелевской премии по экономике Джозефа Стиглица, считали, что навязанные России либеральные реформы, ускоренная приватизация и следование принципам «Вашингтонского консенсуса» были преступлением, ввергнувшим страну в пропасть. Можно только добавить, что продолжение этого курса сегодняшним руководством экономического блока российского правительства и Центробанка несет реальную угрозу развала и дезинтеграции страны.

С поразительной наглядностью демонстрирует это и Украина. Западные кураторы

не только определяют, какие реформы нужны Украине, но и жестко принуждают нас к ним. В качестве нашего сегодняшнего «домашнего задания» от нас требуют: создать антикоррупционный суд, провести земельную реформу, приватизировать важнейшие активы, снизить выплаты из пенсионного фонда, повысить цены на газ и т.д.

Такое вмешательство наиболее развитых стран во внутренние дела остальных – это реальность сегодняшнего мира, функционирующего в виде единой системы (мир-системы, по определению И. Валлерстайна), по отношению к которой любое государство – это ее часть, одна из ее подсистем, тысячами нитей связанная с целым, обладающее определенным статусом в ее иерархической структуре. Необходимо уже научиться рассматривать мир с позиции Е. А. Якубы, для которой: «...главный объект социологического анализа целостность общества. Это уже не изолированное общество в государственно-национальных рамках, а система обществ» [2, с. 9].

Т. И. Заславская, по отзывам ее коллег, всегда стремилась своими научными исследованиями «способствовать совершенствованию советского и российского общества» [12, с. 215]. Но, на мой взгляд, именно это ей не всегда удавалось. И даже наоборот. Поскольку тот вариант социологии, который она некритично усвоила, для построения развитого общества европейского типа не предназначен и непригоден. В нем нет ни адекватной методологии, ни необходимого инструментария. Сами развитые страны не используют ее в качестве теоретической основы собственных преобразований. Управление общественными процессами как внутри отдельных развитых стран, так и в мир-системе в целом, базируется на совершенно иных основаниях, имеющих, на удивление, очень много общего с теориями социал-дарвинизма. Кстати, Г. Спенсер дал наиболее адекватное представление о сущности современного ему капиталистического общества. И в силу этого оно вошло в противоречие с функцией легитимации капиталистического общества.

Конечно, наивно было бы искать и в работах Е. А. Якубы ответы на все вопросы, стоящие перед нашим обществом. Для этого необходима действительная наука об обществе, и Елена Александровна предлагает только реперные точки такой науки, принципы, на которых она может быть создана.

Литература

1. Поступной А. Н. Преподавание социологии в Украине: состояние и перспективы. Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». Випуск 38. Харків. 2017. С. 140 – 146.
2. Якуба Е. А. Социология: учебное пособие для студентов. Харьков: «Константа», 1995. 192 с.
3. Манучарова Е., Меленевский И. Дело, дети и судьба. Праздничный разговор с академиком Т. И. Заславской, президентом Советской социологической ассоциации. Известия. 1988. 8 марта. URL: <http://khazin.ru/articles/6-ekonomika/28913-uchenye-idioty-nashego-vremeni>
4. Заславская Т. И. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость. Коммунист. 1986. № 13. С. 61–73.
5. Ленин В. И. О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве. Полное собрание сочинений. Т. 20. С. 186–207.
6. Манучарова Е. Гарантия успеха – наши собственные действия. Беседа с академиком Т. И. Заславской, президентом Советской социологической ассоциации. Известия. 1987. 21 апреля.
7. Манучарова Е. Коренной вопрос перестройки. Беседа с академиком Т. И. Заславской, президентом Советской социологической ассоциации. Известия. 1988. 4 июня.
8. Черноволенко В. П. Про подолання спрощених уявлень про соціальну структуру. Філософська думка. 1988. № 1.
9. Поступной О. М. Концепція соціальної структури радянського суспільства: системність чи багатоманітність? Філософська думка. 1988. № 4. С. 24–28.
10. Нам очень хотелось создать настоящую науку. Социс. 1997. № 1-2. С. 201–223.
11. Никулин А. М. Наивная мудрость Татьяны Ивановны Заславской. Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 215–222.
12. Заславская Т. И. Методологические проблемы исследования посткоммунистических трансформационных процессов. Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць. Харків: Видавничий центр Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. 1999. 406 с.
13. Joel I. Nelson Post-industrial capitalism: Exploring economic inequality in America. SAGE publications. July 5. 1995. 199 p.
14. Интервью. Заславская Т. И. Экономическая социология. Электронный журнал. URL: www.ecsoc.msses.ru. 2002. Т. 3. № 5. 22 февраля. С. 6 – 17.
15. Заславская Т. И. О социально-трансформационной структуре российского общества. Мониторинг общественного мнения. 2000. № 1. С. 15–19.
16. Заславская Т. И. Социальный механизм трансформации российского общества. Социологический журнал. 1995. № 3. С. 5–22.